

*Киндлер Е.А., кандидат педагогических наук,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ Ф. НИЦШЕ

Аннотация: в статье даётся попытка понять философский текст как открытую систему, в которой происходит аккумуляция и трансляция культурного опыта. Основой такого понимания становится метод дискурсивной интерпретации, построенный на комплексном анализе текстуальных категорий интенциональности и темпоральности.

Ключевые слова: лингвокультурология, дискурс, интенциональность, темпоральность

Как известно, перевод и интерпретация философского текста не сводится исключительно к лингвистической проблематике, но предполагает выход на понимание психологических и культурных реалий, а также их лингвокультурологический анализ. Попытка понять философский текст как открытую систему, в которой происходит аккумуляция и трансляция культурного опыта, как раз и будет предпринята в нашей статье. Одним из главных методов такого лингвокультурологического анализа станет дискурсивный метод.

Дискурсивный метод учитывает возможность интерпретационного многообразия философского текста. Множественность интерпретаций связана, во-первых, с наличием разнородных, противоречивых мировоззренческих принципов автора, во-вторых, с аксиологической полипарадигмальностью, противоречиями внутри самой общественной реальности, социально-историческими изменениями, которые обуславливают новое прочтение. Как известно, дискурс строится на расширении означаемого, его включении в новые контексты, при этом смысл дискурсивного выражения остается не сводимым ни к одному из них.

Указанная особенность дискурса позволяет выстроить логику анализа, которая направлена, с одной стороны, на понимание нового текста через ранее интерпретированный, с другой стороны, на понимание исходного текста в параметрах новой интерпретации.

Обращение к процессу преломления философии Ницше в пространстве культуры Новейшего времени, способствует определению и уточнению идейно-смысловых перспектив его текстов, а также открывает возможности для сопоставительного анализа, иными словами, позволяет раскрыть содержание вопросов о том, каким смыслом оказывается наполнен мир автора в модусе существования, как соотносятся разнонаправленные смыслы и как возможно установление диалога между ними, какой новый смысл данный диалог порождает. Исследовательский процесс становится возможным при выявлении в тексте основных философем и философских концептов, послуживших импуль-

сом к возникновению дискурсивных практик, и далее сопоставительном толковании текста с теми контекстами, в которых позиция автора поддается деконструкции, уточняется и приобретает новый смысл. Подобная форма интерпретации, на наш взгляд, не только выявляет рецептивные, типологические и генетические связи, но и позволяет рассматривать творчество философа в интертекстуальном аспекте.

Интерпретации текста в качестве интертекста основывается на предположении о том, что смысл возникает в результате многоаспектного взаимодействия экзистенциальных и культурно-символических миров автора и читателя (автора – переводчика – читателя). В процессе этого взаимодействия происходит калейдоскопическое совмещений значений, образов, интенций и ценностей, имеющих как индивидуальный характер, так и репрезентирующих ту или иную временную эпоху, что оказывает непосредственное влияние на автора/читателя или опосредованно предшествует акту создания текста и его восприятия. Таким образом, выбранный дискурсивный метод предполагает определение взаимосвязи текстуальных категорий *интенциональности и темпоральности*, а также раскрытие их формально-содержательной специфики в отношении исследуемого автора.

Обозначенная категория *интенциональности* рядом современных исследователей (см. Клушина Н.Б. [3, с. 13]), определяется как интегративная категория в рамках антропоцентрического подхода к тексту, в которой систематизируются философские, психологические, лингвистические аспекты при выявлении исходного замысла или коммуникативного намерения автора. Авторская интенция выступает основой формирования дискурса и в силу этого оказывается соотносенной с категорией *темпоральности*, отражающей в лингвистике связь текста и возможностей его понимания с характером времени: «текстовая категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» (Т.В. Матвеева [4, с. 100]).

Проблема *интенциональности* в лингвокультурологическом анализе философского текста обусловлена в первую очередь самой спецификой философского знания с его стремлением к всестороннему постижению действительности, порождающим совмещение элементов научного, художественного и мифологического сознания, которые находят отражение в соответствующих языковых формах: понятийно-терминологической и образно-символической. Синкретизм данных форм в наибольшей мере характерен для исследуемых нами текстов, относящихся к неклассическому иррациональному типу философствования, в которых осуществляется переход от строгой теоретической методологии и системности к художественно-метафорической выразительности, эссеистике и изящной прозе, и которые, вместе с тем, не сливаются с последними до степени стилистической неразличимости.

Кризис философского рационализма в XIX-м веке привел к возникновению новой описательной модели, связанной с отказом от абстрактно-логического истолкования реальности. Одной из характерных особенностей такой интерпретации является попытка охватить бытие в его противоречивости, что невольно порождает противоречия на идейном уровне текста, нарушает традиционное представление о системности, реализующейся в строго выстроенной последовательности доказательств и аргументов, ведет к фрагментарности, афористичности, повышенной эмоциональности, неологизации, а также использованию слов в непривычных сочетаниях и значениях.

Известно, что каждый философ, стремясь выразить собственный опыт жизнепонимания, создает и особую языковую реальность. Лингвокультурология исходит из установки, что философские категории отображают уникальный и неповторимый мир значений, даже в том случае, когда используются, казалось бы, в общеупотребительном смысле. Иначе говоря, сколько существует мыслителей, столько существует означающих категории «бытие». Примечательна в этом плане рефлексия Ницше по поводу своей ранней работы «Рождение трагедии из духа музыки»: «Я кропотливо старался выразить шопенгауэровскими и кантовскими формулами чуждые и новые оценки, которые по самой основе шли вразрез с духом Канта и Шопенгауэра, не менее чем с их вкусом» [1, с. 28]. Философское творчество является неким заново открываемым языком, преобразованием реальности в процессе экзистенциального поиска её подлинных смыслов, подчас ведущем к размыканию обыденных предметных и причинно-следственных связей. Вместе с тем, прочтение текста подразумевает соотнесение смыслов, ре-

презентируемых в словах, с цельными структурами, определяемыми эмоциональной тональностью или системой мышления. Подобную процедуру проводит и рецепиент-переводчик философских текстов, пытаясь уточнить авторские интенции, найти для их выражения эквиваленты в другом языке. Само предположение о подлинном авторском замысле выстраивается на основе соотнесения отдельных идей и образов с постоянными темами и мотивами творчества, либо через сопоставление переводимого фрагмента с другими. И в том, и в другом случае относительно Ницше это становится проблемой. Перевод и интерпретация текстовых категорий у Ницше, а также их контекстуального параметра осложняется парадоксальной слитностью принципиально противоположных систем: в онтологии – метафизика и позитивизм, в этике – имморализм и проповедь морали, в эпистемологии – неутомимый поиск истины с отказом признавать её принципиальную значимость. Собственно и указанные разделы исследователи выделяют лишь условно. Кроме того, подчас остается неясной и эмоциональная тональность высказываний: каким образом, сосуществуют в личности и творчестве немецкого мыслителя трагический скепсис рядом с величественной верой в нравственное перерождение личности, преклонение перед иррациональными силами фатума, хаосом становления с желанием возможного переустройства миропорядка человеческой волей, надежда на прогресс, перерождение бытия в высшее качество с презрением к самой необходимости надеяться.

Отсюда и споры, например, о том как перевести концепт «Wille zur Macht» - «воля к власти» или «воля к мощи» (реже «стремление к власти»), поскольку каждый из таких переводов отражает различные авторские интенции. Как, показывают исследователи (см. А.В. Перцев, М.А. Шабаева) первый вариант перевода акцентирует направленность могущества человека на внешний мир, реализует стремление к подчинению других, второй вариант связан с внутренней духовной работой и самопреодолением. Неоднозначной остаётся и семантика категории «воля» в ницшевских текстах: природный импульс, в различной степени присущий всем живым существам; интеллигибельная сущность; свойство индивидуальной человеческой природы или целых народов и тд. Или какой из переводов названий более подходит к содержанию книги «Götzen-Dämmerung...»: «Сумерки идолов» или «Гибель божков». В первом случае возникает ассоциация с таинственностью и величием судьбы, название как будто отсылает к древнегерманской мифологии, эсхатологическим образам гибели и обновления истории. Второе только фиксиру-

ет критическое отношение к тем или иным популярным в европейской культуре истинам и персонам. Соотношение мистически возвышенного и приземлено иронического начал у Ницше становится также предметом спора о средствах передачи интенциональности, например, книги «Так говорил Заратустра»: следует ли относиться к ней как к некому сакрализованному тексту, наполненному трагизмом, глубоким одиночеством или же это пародийное сочинение, иронический эффект которого создается уже посредством использования реминисценций и архаизированных текстовых структур.

Эти и другие споры так и не нашли разрешения. Однако, если в начале XX века противоречивость Ницше была предметом многочисленных критических упреков, то к концу подобный образ мышления и бытия стал вполне приемлемым, более того оказался имманентно вписанным в логос истории. Эклектическое переплетение смыслов, подчас кардинально несогласующихся, становилось на протяжении всего столетия способом порождения новых философских, художественно-эстетических и идеологических моделей, приводя в итоге к оформлению постмодернистской парадигмы. Интерпретаторы Ницше, если и не вышли из «лабиринта противоречий» его творчества, то само существование в лабиринте предстало совершенно естественным. Правда, переводчику от того не стало легче, хотя и он сегодня, находится, пожалуй, в более выгодном положении, чем скажем, переводчик в дореволюционной России.

Вопрос о том, является ли для интерпретатора временная дистанция по отношению к тексту преимуществом или недостатком остается дискуссионным. С ним неразрывно связана вторая обозначенная проблема *темпоральности*. Как известно, каждая эпоха ставит перед философом новые вопросы, ответы на которые определяются жизненным, культурно-историческим опытом автора и в то же время соотносятся с областью бесконечных значений и смыслов, актуальных и потенциальных интерпретаций. Ответы на новые вопросы в философии – это всегда попытка ответа на вопросы вечные. В этом отношении, например, образ Сверхчеловека у Ницше может быть рассмотрен как попытка личного самопреодоления, как переосмысленный идеал романтической культуры, как символ переосмысления ценностей XIX-го века или же как форма героического архетипа, как общегуманитарная проблема вписанности человека в контекст существования. Время способно как расширить область имманентно присущих тексту смыслов, так и сократить её. Согласно позициям Ж. Дерриды [2], каждый текст включает в себе как бы два текста: классический текст с доминан-

той идеи присутствия, обладающий константностью, и симулякр текста, который через посредство языковых игр трансформирует прочтение исходного смысла. Аналогичным образом, обстоит дело и с Ницше: произвольное выхватывание слов и фраз, вульгаризация на уровне обыденного восприятия породила значительное количество симулякров в идеологии и массовой культуре. Это становится заметным при рассмотрении типологии героев популярных комиксов и основной продукции Голливуда, демонстрирующих сверхспособности или сверхчеловеческую физическую силу. Основа типологии, как известно, образ супермена, появившегося на свет от неточного перевода ницшевского *Übermensch*¹. Есть и другие примеры возникновения подобных симулякров в силу неэквивалентных переводов. М. Горький в свое время ошибочно (или сознательно) прибегает к антропоморфизму ницшевского высказывания «*was fällt, das soll man auch noch stossen*» [1, с. 275], представляя его как «падающего толкни». В дальнейшем эта фраза начинает трактоваться как проповедь жестокости и насилия. Например, советский критик С.Ф. Одуев тенденциозно понимает её как апологию капиталистического мирового порядка и империалистического порабощения, как призыв к человеконенавистническому цинизму. Однако ещё по замечанию С. Франка, источник неверного толкования в России этой фразы во многом был обусловлен её неверным переводом: не «падающего» следует толкнуть, а «*падающее*»: «И трогательный вступительный вопрос: «Разве я жесток?», и самый оборот речи в знаменитой фразе («что падает», а не «кто»), и весь контекст, вместе взятый, – всё это ясно указывает, что здесь дело идет не о чисто личных отношениях, в которых будто бы рекомендуется толкать падающего, а о падении эпох, нравственных укладов жизни, поколений» [6, с. 604].

Временной фактор имеет также ряд иных влияний на перевод и интерпретацию. В теориях интерпретации, начиная от подчеркивания активности понимающего субъекта в герменевтике и, условно говоря, заканчивая постмодернистской «смертью автора», артикулируется идея принципиальной нетождественности написанного и прочитанного. Интерпретация не является зеркальным отображением содержания текста и его объективного смысла. Метафору замутнённых или искаженных зеркал мы находим и у переводчиков. При каждой встрече с текстом, мысль автора преобразуется в соответствии с временными особенностями, когнитивными и ментальными установками. Очевидные для автора образные ассоциации и их предикативные значения порой оказываются совершенно непроявленными для читателя, и он

вкладывает в них собственное, отличное от авторского или прямо противоположное содержание. Или, напротив. Отдельные, подчас неясные для самого автора фрагменты, выражающие его наития, сомнения, предчувствия, могут пробудить в читателе целый комплекс переживаний и значений, предстать совершенно отчетливо в свете собственной экзистенции и даже обрести непредполагавшуюся создателем систему, будучи наложенными на выстроенную реципиентом схему и логику смыслов.

Проблема темпоральности связана не только с

областью новых смыслов, обретаемых исходным текстом в последующих интерпретациях, но и с соотносённостью данного текста с культурфилософским опытом прошлого, с актуализацией этого опыта в настоящем и будущем. Философский текст при интерпретации в определенных исторических и социокультурных условиях способен выступать инициатором переосмысления целой культурной эпохи и её метафизического значения. Как это произошло, например, античностью, понятой многими мыслителями и художниками слова XX века посредством Ницше.

¹ Американский исследователь А. Данто оставил немецкий концепт «Übermensch» непереведенным, так как английские слова «Superman» или «Overman», с его точки зрения, оказываются неэквивалентными и вводят в заблуждение

Литература

1. Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 279 с.
2. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. 428 с.
3. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста: автореф. дис. ... на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2008.
4. Марова Н.Д., Парадигмы интерпретации текста: монография. Т. 2. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006; 20 с.
5. Матвеева Г.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
6. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Ницше: pro et contra. Антол. СПб.: РХГИ, 2001. С. 586 – 639.

References

1. Danto A. Nicshe kak filosof. M.: Ideja-Press; Dom intellektual'noj knigi, 2000. 279 s.
2. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000. 428 s.
3. Klushina N.I. Intencional'nye kategorii publicisticheskogo teksta: avtoref. dis. ... na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. M, 2008.
4. Marova N.D., Paradigmy interpretacii teksta: monografija. T. 2. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2006; 20 s.
5. Matveeva G.V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij: Sinhronno-sopostavitel'nyj ocherk. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990.
6. Frank S.L. Fr. Nicshe i jetika «ljubvi k dal'nemu» // Nicshe: pro et contra. Antol. SPb.: RHGI, 2001. S. 586 – 639.

*Kindler E.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin*

PROBLEMS OF LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF PHILOSOPHICAL TEXTS BY F. NIETZSCHE

Abstract: the article attempts to understand the philosophical text as an open system in which the accumulation and translation of cultural experience occurs. The basis of this understanding is the method of discursive interpretation, built on a complex analysis of the textual categories of intentionality and temporality.

Keywords: linguoculturology, discourse, intentionality, temporality